

И.К. Асадуллаев

РЕФЛЕКСИЯ, ДАРВИН, СУФИЗМ. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЗАКОН РЕФЛЕКТИРУЮЩЕЙ СОРАЗМЕРНОСТИ

Аннотация: Рефлексия представляет собой универсальное явление, она объясняет не только дарвинизм, но и некоторые философские направления, как, например, суфизм. Уникальность в пределах нашего мира не абсолютна, подобие суть основа взаимодействия, когда «одно» становится «другим» и «другое» возвращается соразмерно взаимодействующим сторонам. Биосфера построена на рефлексии, когда одни организмы порождают другие, и они взаимодействуют соразмерно друг другу. Это кардинальная проблема науки

Ключевые слова: Философия, рефлексия, «одно» и «другое», вообще-бытие, Кант, Авиценна, суфизм, диалектика, уникальность, подобие

В пределах локальности рефлексия проявляется двояко: отрицает самое себя или проявляет себя. В пределах локальности рефлексия это безвозвратное исходящее действие, если иметь в виду вещь со стороны ее неповторимости и проявления (трансляции) ее неповторимости. Возникают всевозможные вопросы, например: является ли таким безвозвратным действием расширение Вселенной?

Рефлексия, говорится в словаре иностранных слов, это «размышление, полное сомнений, противоречий; анализ собственного психического состояния»¹. В «Философской энциклопедии» она рассматривается как «форма теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека. Содержание рефлексии определено предметно-чувственной деятельностью; рефлексия, в конечном счете, есть осознание практики, предметного мира культуры. В этом смысле рефлексия есть способ определения и метод философии, а диалектика – рефлексия разума, рефлексия мышления о законах формирования социально-исторической действительности, о предельных основаниях знания и поведения

человека составляет собственно предмет философии. Изменение предмета философии выразилось и в изменении трактовки рефлексии»².

То есть, главным образом, рефлексия рассматривается как явление духа, самопознания, отражение в себе самого себя и мира. Такова интеллектуальная традиция в философии, хотя есть выход в онтологию явления. Другими словами, мы имеем дело с конвенциональным понятием, когда принято учеными полагать рефлексией явление духа, мышления. Однако нас интересует онтология в проявлениях рефлексии – рефлексия как объективное явление («изгибание назад») и в пределах и вне разума и духа.

Между тем одновременно в целостности мир обречен на рефлексию, если рассматриваем его, и все в нем, с точки зрения вообще-бытия как нечто. Нечто исходит от вещи, и оно же вообще-бытие как нечто возвращается к ней, конкретно это может быть все что угодно. Нечто исходит от тебя и нечто возвращается к тебе. Ты никогда не остаешься в пространстве небытия, и твое исходящее действие не исчезает в абсолютном небытии (надо отличать от небытия определенной вещи). Человек, как и всякая вещь, действует, от него всегда исходит нечто, но обречен на то, что

¹ Словарь иностранных слов – 18 изд. – М.: С48 Рус. Яз., 1989. – С. 443.

² Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 4 – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 499.

другое нечто, это одно и то же нечто-вообще-бытие, возвращается к нему от окружающего мира в результате какого угодно взаимодействия. Нечто это всегда нечто, и другого нечто не существует. В этом отношении Парменид прав, но только в этом отношении. То есть мир, вещи содержат в себе тотальную однородность. Однако эта тотальная однородность существует не как самодовлеющая односторонность. Наряду с парменидовской однородностью, каждая вещь обладает различными определениями. Вещь это единство однородности и различий. Диалектика представляет собой отрицание самодовлеющей односторонности. Поэтому взаимодействие это всегда возвращение нечто. Человек не существует в абсолютном небытии, он обречен на бытие, как и его среда – окружающий мир, что относится к каждой вещи.

Каждая вещь это нечто и эта ее определенность присутствует всегда, наряду со многими другими определенностями, которые в разной мере подобны другим вещам и сторонам вещей. Каждая вещь по своему на разных уровнях подобна другим вещам.

Рефлексии нет, когда мы рассматриваем взаимодействие со стороны неповторимости, но взаимодействие всегда есть рефлексия, когда мы берем вещь со стороны ее существования как нечто – вообще-бытие. Это же относится к исходящему действию и ответному действию.

Определенность существует на разных уровнях: уровень подобия конкретного, когда исходящее действие возвращается подобным конкретным. Или рефлексия происходит, когда исходящее действие или вещь, оставаясь самим собой, возвращается к источнику, например, бумеранг. Или в прежнее состояние. Вещь в этом случае возвращается к исходному состоянию. Но есть более фундаментальные уровни, например, уровень вообще-бытия как нечто. По Гегелю чистое бытие – ничто. Но это ничто есть одновременно нечто без определений. Есть нечто без определений – это ничто, одновременно есть вообще-бытие как нечто. Это нечто постоянно рефлектирует: исходящее действие как нечто всегда возвращается как нечто от внешнего, они тождественны как вообще-бытие. Они однородны как вообще-бытие. В этом отношении мы отходим от Гегеля, так как нечто и есть определение, определенность. Гегель лишает чистое бытие определений, но ничто и есть определенность. Вообще-бытие не является чистым бытием – ничто, так как включает в себя определенности бытия без конкретной их определенности. Поэтому каждое вза-

имодействие это рефлексия вообще-бытия. В этом отношении вообще-бытие есть тождественность самому себе, хотя существует не только в «одном», но и как множество «одного» – «другого», не лишенное, однако, неповторимости, так как «другое» всегда содержит неповторимость.

Любое взаимодействие невозможно без подобия сторон. Лишенность подобия с другими это абсолютная уникальность, она характерна для вещей в проявлении категории неучастия. Абсолютное неучастие есть во множестве миров, которые не взаимодействуют друг с другом, находясь вне контакта. В нашем же случае взаимодействия взаимное участие проявляется в подобии вещей. Но это подобие с обратным знаком. Впадина и выступ двух шестеренок подобны, но с обратным знаком, они подобны и противоположны. Не будучи подобными в своей противоположности, они не могут вступить во взаимодействие.

Есть переход нечто в определенность, это градация нечто, когда оно обретает многие другие определения, в частности имеет место градация подобия – меры подобия. Человек подобен другому человеку и локально, и тотально – подобен как нечто всем вещам, являющимся также нечто. Но есть градация подобия: человек подобен своим родителям, на которых более похож, чем на других, подобен членам своего национального сообщества, подобен членам своей цивилизации и расы, и так далее. Все они – эти уровни подобия не исключают друг друга, и существуют одновременно как многозначность подобия человека другим людям и вещам. Эта градация существует одновременно. И в тоже время существует тотальность нечто, это нечто человека тождественное нечто всего остального мира и не только других людей.

Подобие человека не кончается теми аспектами, о которых мы говорили выше. Человек кроме этого, подобен позвоночным животным, млекопитающим, он обладает клеточной структурой, как и все живые организмы. Человек подобен явлениям социальной формы движения материи, но одновременно подобен явлениям биосферы, биологической формы движения материи, химической, физической, механической форм движения материи. То есть мы видим пирамиду – иерархию подобия человека, как и всякой вещи в процессе эволюции, и вне эволюции.

Перед нами открывается огромный мир схожести и несхожести вещей друг другу. Каждая вещь обладает своей иерархией схожести и несхожести с другими вещами, обладая многими уровнями подобия и несхоже-

сти. Каждая вещь венчает свою пирамиду схожести и несхожести – подобия и различия. Для электрона нет схожести с человеком как социальной формы движения материи, но для человека есть подобие с электроном как явлением физической формы движения материи. Пирамида схожести и несхожести электрона другая, он схож с человеком, но не как с явлением социальной формы движения материи. Вместе с тем и электрон и человек и социальная форма движения материи суть вообще-бытие – нечто.

То есть каждая вещь обладает исключительно своей иерархией подобия с другими вещами.

Одновременно существует противоположная сторона подобия – мера уникальности вещей – неповторимости, несхожести, различия. Есть абсолютная уникальность как абсолютная неповторимость вещей. Она, эта абсолютная уникальность характерна для параллельных с нами миров, она не допускает подобия. Подобие есть основа взаимодействия вещей. Каждое взаимодействие основывается на подобии взаимодействующих вещей, сторон, взятых с противоположных сторон.

В мире же, где существует подобие вещей на разных уровнях, есть уникальность, но не абсолютная. Уникальность существует как сторона вещей, предметов, которые одновременно содержат в себе и другой аспект – многообразное подобие с другими вещами.

Таким образом, есть у каждой вещи иерархии подобия и иерархии уникальности. Абсолютное подобие вещей это тождество – чистое ничто (Гегель), шар Парменида. Уникальность это то, что лежит в основе каждой вещи как основание этих пирамид – иерархий подобия и уникальностей. Хотя, казалось бы, понятие уникальности отражает неповторимость, исключая подобие или меру уникальности. Однако мы должны говорить о мере неповторимости вещей на каждом ее уровне. Эта мера неповторимости вещей всегда локальна. Позвоночные столь же неповторимы, как и человек как их представитель. Неповторимость тотальная – не локальна. Только в локальности вещь обладает мерой неповторимости, во всеобщности меры уникальности не существует.

Локально нечто это всегда одно и другое, тотально нечто – это мир тождественный самому себе без различий. Мир уникален как единственный – неповторимый. Мир подобен как многообразный в разной мере. Мир, вещи существуют как иерархии, на одном конце – всеобщая уникальность, на другом конце абсолютное тождество.

Возникает вопрос: существует ли абсолютное тождество мира, существует ли абсолютная уникальность мира и вещей? Или это диалектическая эквилибристика?

На наш взгляд, Парменид прав, говоря, что в мире нет различий, но он прав, как бы мы сегодня сказали, в смысле принципа отрицания самодовлеющей односторонности. Мир абсолютно неразличен как чистое ничто или как нечто без конкретных определений, это нечто существует реально, как реально существует абсолютная уникальность вещей и мира. Парменид свою мысль об отсутствии различий в мире рассматривал тотально как всеобщность, что не соответствует действительности, но эта же мысль реальна как сторона действительности. Существующий мир это вообще-бытие, то есть однородность.

Каждая вещь обладает всеобщностью как нечто и в этом смысле всегда и во всем находится в состоянии рефлексии. Другими словами, у каждой вещи есть пирамида схожести и несхожести ее с другими вещами, и эта пирамида-иерархия всегда содержит в себе рефлексии на уровне вещей как нечто. Каждая вещь воздействует на окружающий мир как нечто-воздействие, в ответ на которое получает ответное нечто-воздействие окружающего мира или отдельной вещи.

Понятия общего, повторяющегося, подобного близки по своим значениям, перекрещиваются, но с различными акцентами. Как и понятия уникального, различного, неповторимого, единичного. Подобное и уникальное, общее и уникальное, общее и различное, повторяющееся и уникальное, повторяющееся и неповторимое – все суть противоположности.

Все вещи являются членами различных множеств. Существует бесконечное число множеств, одни отстоят друг от друга, но в большинстве своем взаимно перекрывают друг друга, налагаются друг на друга, включают друг друга частично или полностью. Каждое множество подобных вещей (повторяющихся друг друга, общих в данном множестве) имеют качественную и/или количественную определенность. Вещи не могут быть тождественны друг другу, они тождественны сторонами, полное их тождество устранило бы их различие и означало наличие одной тотальной однородности.

Одна вещь не может быть полностью тождественной другой вещи.

Каждая вещь – «одно» – уникальна пространственно, временем, генезисом и некоторыми дру-

гими параметрами. Каждое множество содержит общие повторяющиеся однородные единицы, входящие в это множество.

Вместе с тем каждая уникальность – неповторимость – повторяется в каждой уникальной вещи. Неповторимость повторяется в каждой вещи и отрицает себя.

Уникальное, с одной стороны, но с другой стороны, подобное (повторяющееся, общее) суть противоположные категории, присущие всем вещам.

Рефлексия это возвращение того, что было исходящим в аспекте общности исходящего действия и возвращенного действия. Если человек говорит с другим человеком, то конкретная речь одного может быть уникальной по сравнению с речью другого, но в аспекте речи как таковой это рефлексия. Но это не единственная рефлексия: общение этих людей суть также рефлексия. То есть рефлексия всегда присутствует в деятельности человека (или вещей), и на разных уровнях подобия проявляет себя. Рефлексия для каждой вещи многообразна.

Отсюда мы можем заключить, что если мы во всяком взаимодействии обнаруживаем подобие, то это подобие суть рефлексивное подобие – возвращенное подобие. В каждом взаимодействии существует много уровней подобия в действии и ответном действии. И каждое проявление подобия во взаимодействии суть проявление рефлексии. В этом отношении рефлексия это экспансия подобия, ее сторона. Также сторона и принципа генетической соразмерности. То есть рефлексия в каждом взаимодействии многообразна и многозначна – реально существуют многие уровни подобия исходящего действия с возвращающимся действием. В тоже время рефлексия относительна, так как вещь не свободна от многих уровней уникальности, различных степеней уникальности. Каждое подобие не свободно от уникальности, так как это подобие, а не полное тождество.

Рефлексия это возвращение или обращение к самому себе. Но чтобы вернуться к самому себе, надо стать другим, оторваться от себя самого, оставаясь самим собой.

Что же это? Диалектика вне времени и пространства или отделение от себя самого в другое происходит во времени и пространстве как деление клетки организма? Есть понятие самопротиворечивости, когда одно есть другое в одно и то же время и в одном и том же месте. При этом имеют место симметрия и отражение в самом себе. Вещь исходит от самой себя в себе, и

в себе же отражается и содержит симметрию. «Одно» становится «другим» симметрично, «другое» отражает «одно». Все это самопротиворечиво в одной и той же вещи, не развернуто в пространстве и времени.

То есть рефлексия не может существовать без отражения и симметрии в основе основ. Однако какие виды рефлексии существуют?

Возвращение (обращение) вещи к самой себе в одно и то же время и в одном и том же месте.

1. Рефлексия проявляется в универсальном законе рефлектирующей соразмерности. «Одно» воздействует на «другое», изменяя его и отражаясь в нем, но отражение возвращается к «одному», превращая его в другое – «иное». Это возвращенное отражение содержит также и соразмерность второй вещи. Вещь не может стать иной без взаимодействия. Вещь может изменяться и по своим внутренним причинам, но не вне взаимодействия с другими вещами. Взаимодействие суть рефлексия, которая от одной соразмерности приводит к другой соразмерности. «Одно» становится «иным» через взаимодействие с другой вещью и соразмерно другой вещи. Вещь отчуждается от себя во взаимодействии и становится иной, возвращаясь к себе через достижение соразмерности другой вещи. Происходит своеобразное приспособление, например, организма изменившейся среде. Изменяющаяся среда приводит к диссонансу, биологический механизм организма восстанавливает соразмерность – новую. Но в биологии, надо полагать, нет абсолютного диссонанса и абсолютной соразмерности, они существуют в различных «пропорциях» и соотношении в зависимости от аспектов жизни. Здесь уместно говорить о таких всеобщих категориях, как диссонанс и соразмерность. Диалектика категорий диссонанса и соразмерности определяют всякое взаимодействие. Двух или более вещей, или движение «одного» с самим собой. Попытка «пересказа» биологических понятий при помощи философских понятий и категорий необходима для того, чтобы уяснить философскую фундаментальность эволюционной теории Дарвина, содержащую в себе ядро универсальной связи, проявляющейся повсеместно, но в его случае в биологической форме и на биологическом уровне. Эту связь как общеполитическую универсальность можно назвать рефлектирую-

щей соразмерностью. Это один из механизмов экспансии подобия как универсальной стороны объективной реальности³

2. Возвращение вещи к самой себе в пространстве и времени. Например, живая клетка делится и разделенная взаимодействует с разделенной частью – новой клеткой. В этом аспекте кроется огромный мир биосферы, которая расчленяется, дифференцируется и через это взаимодействует с самой собой. Это кардинальный аспект эволюции – глобальной. Вселенная дифференцируется и своими новыми и старыми частями рефлектирует.
3. Созерцание самого себя, обращение на самого себя. Мышление о своем мышлении – в области самопознания. Самосознание. История философии большей частью развивала и развивалась в этом аспекте. Гегель стоит особняком, у него рефлексия и объективна и субъективна. Маркс в этом вопросе также рассматривает объективность и субъективность рефлексии. Но в истории человеческой мысли понятие рефлексии рассматривалось, прежде всего, в процессе познания.
4. Биосоциальная рефлексия как мечь или возвращение добра и доброго отношения, благодарность. Мечь животных и человека, и наряду с этим возвращенное добро со стороны животных и человека.
5. Экспансия подобия была замечена издревле (подобное порождает подобное), но как теория развернута в наши дни. Рефлексия суть проявление экспансии подобия.
6. Демократия и гуманизм как рефлексия. Кант: относись к человеку так, как хотел бы, чтобы относились к тебе.
7. В частности, тщательный анализ и описание деятельности и взглядов представителей одного из направлений религиозной восточной философии – суфизма служат необходимой и достаточной основой постановки в настоящее время, например, такой проблемы, как диалектическая рефлексия вообще в суфизме, в том числе, например, и у представителя рационалистической философии, перипатетика Ибн Сины (Авиценны).

Пантеизм суфизма признает, что бог, безусловно – это начало начал и его «другое» полностью зависит от него самого, его атрибутов. Одним из атрибутов бога является его красота, неразрывно связанная с возникающим миром.

Во всем этом мы видим многообразные отношения между «одним» и его «иным» – инобытием этого же «одного».

Во-первых, это отношения бога, мира и человека в понимании их как пантеизма.

Во-вторых, это диалектика «одного» и множества, которое и есть «иное» этого «одного».

В-третьих, это «иновертывание» «одного» и возвращение к «одному» или обращение к самому себе этого «одного» суть диалектическая рефлексия.

В-четвертых, имманентно присущая богу красота становится «другим» как отблеск красоты бога. И это «отчуждение», то есть иновертывание «одного» есть единый процесс с инобытием бога в созданном им мире.

В-пятых, диалектика как отрицание самодовлеющей односторонности проявляется в «ином», но и отрицает это отрицание как возвращение «иного» в «одно» – возвращение в самого себя. При всей своей необыкновенной специфике и своеобразии суфизм своей логикой, не лишенной мистики, вполне укладывается в русло идеи диалектической рефлексии, которая рациональна своей сутью. Это еще одно доказательство того, что существует система суфийской диалектики.

Бог порождает мир и человека, человек-суфий соединяется с богом; бог возвращается к самому себе.

Будучи объективным идеалистом, Гегель видит в предмете воплощение духа, который обнаруживает в нем самого себя (сам предмет рефлектирует себя)⁴. Эта идея, осмысленная материалистически, была принята Марксом: стороны или моменты материального предмета, ставшего товаром, взаимно отражаются друг в друге и в самих себе⁵.

То есть и у Гегеля, и у Маркса мы видим возвращение к самому себе, или духа, или материи, и в виде отдельных предметов к самому себе, и в виде ее бесконечной целостности, обращающейся к самой себе в форме познающего материи человека.

³ См.: И.К. Асадуллаев. «Красота, любовь и вечное движение. 16 новых категорий: читая Аристотеля, Авиценну, Гегеля» – Душанбе: Дониш, 2008. Книга имеется в библиотеках Душанбе, Алматы и Москвы.

⁴ Философская энциклопедия Т. 4. / Москва: «Советская Энциклопедия», 1967. – С. 13.

⁵ Капитал / Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 издание. Т. 23. – С. 121.

На более высоком уровне обобщения мы видим определенные отношения «одного» со своим «другим» – иным, когда «одно» обращается – возвращается к себе.

Рефлексия в истории философии в большей мере рассматривается в области познания.

Однако все эти аспекты различных учений различных философов, в каждой из них своя специфика, но самое важное в следующем. Рефлексия понимается как возвращение к самому себе – обращение «одного» («одно» может быть множеством) к инобытию, которое и есть это «одно». В более обобщенном смысле мы имеем дело в том же отношении «одного» с самим собой. Или в форме духа, возвращающегося к себе самому. Или в познании – обращении человека к самому себе в процессе познания: познание самого себя, или у Сократа: познай самого себя. Или по-другому у Маркса: мы видим взаимное отражение предметов и отражение предметом самого себя.

Мы в работе не ставим задачи досконального изучения рефлексии в истории философии в разных направлениях и учениях различных философов. Нам необходимы и достаточны приведенные фрагменты и аспекты в разных учениях в истории философии для того, чтобы сказать: идеи и практика суфизма суть специфическое воплощение идеи рефлексии. При этом важно другое: эти отношения «одного» с самим собой (в развернутом виде или в самом себе) в форме самообращения.

Именно эту рефлексию мы встречаем в суфизме. Но у суфиев мы видим богатейшее, исходящую от религии имеющее свое историческое лицо диалектическое явление – это суфийская рефлексия.

Понятие рефлексии возникает в истории не как неожиданное «чудо», а охватывает широкий спектр общечеловеческого знания – религиозного, или донаучного, или научного.

Переведенная на русский язык книга Ибн Сины (Авиценны) носит название «Исток и возвращение к нему («Мабъда ва маъод»)»⁶.

Мы видим, что уже само название произведения Ибн Сины (Авиценны) свидетельствует о неосознанном практически используемом понятии рефлексии в то далекое время. Мы не будем вникать в подробное и детальное исследование характера истоков и возвращения к нему во взглядах Ибн Сины, но отметим

главное для нас в этом вопросе. Проблема истока и возвращения к нему как один из аспектов рефлексии была «скрыта», неосознанно известна издревле, и известные люди пытались понять ее в различных аспектах и направлениях философии и общественной мысли. Во многом это свидетельство неосознанного использования понятия рефлексии, оно вездесуще, как и «проза» в устах известного героя Мольера в его пьесе «Мещанин во дворянстве». Однако если это практическая логика используемого понятия у современных исследователей в их «прозе», но только не в суфизме, который построил свои учения, иконографию, онтологию, гносеологию, поэзию и эстетику, согласно идее рефлексии, вполне пантеистически осознавая возвращение к богу.

Рассмотрим, что прямо по поводу этого говорит сам Ибн Сина: «Польза от метафизики, которая является частью (науки), известная под названием «Теология» состоит в том, что в ней рассказывается о первопричине и отношении сущих к ней, согласно их иерархии. Польза от знания физики заключается в том, что познается душа, ее вечность и возвращение ее (в прежнее место)»⁷.

Перед нами не стоит задача изучения рефлексии в учениях перипатетиков и философа Ибн Сина, но самое важное из изложенных здесь фрагментов в том, что постановка нами проблемы о диалектически понимаемой объективной рефлексии является актуальной. Все это суть движение по пути диалектического понимания бытия.

Библиография:

1. Словарь иностранных слов – 18 изд. – М.: С48 Рус. Яз., 1989. – С. 443.
2. Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 4 – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 499.
3. И.К.Асадуллаев. «Красота, любовь и вечное движение. 16 новых категорий: читая Аристотеля, Авиценну, Гегеля» – Душанбе: Дониш, 2008. Книга имеется в библиотеках Душанбе, Алматы и Москвы.
4. Философская энциклопедия Т. 4. / Москва: «Советская Энциклопедия», 1967. – С. 13.
5. Капитал / Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 издание. Т. 23. – С. 121.

⁶ Али Ибн Сина. Исток и возвращение к нему / Душанбе: «Адиб», 2007. – С. 11.

⁷ Там же.

6. Али Ибн Сина. Исток и возвращение к нему / Душанбе: «Адиб», 2007. – С. 11.
7. Абу Али Ибн Сина (Авиценна) Сочинения. Том первый. – Душанбе: «Дониш», 2005.
8. Абу Бакр Ар-Рази. Предисловие // Духовная медицина. – Душанбе: «Ирфон», 1990.
9. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – Москва: “Наука”, 1978.
10. Антология мировой философии. В четырех томах. Т. 1, часть 1. – Москва: «Мысль».
11. Аристотель. Метафизика. Сочинения в четырех томах. Том 1. // Москва: «Мысль», 1981.
12. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 3 – Москва: Мысль, 1981.
3. I.K.Asadullaev. «Krasota, lyubov’ i vechnoe dvizhenie. 16 novykh kategoriy: chitaya Aristotelya, Avitsennu, Gegelya» – Dushanbe: Donish, 2008. Kniga imeetsya v bibliotekakh Dushanbe, Almaty i Moskvyy.
4. Filosofskaya entsiklopediya T. 4. / Moskva: «Sovetskaya Entsiklopediya», 1967. – S. 13.
5. Kapital / Marks K. i Engel’s F., Soch., 2 izdanie. T. 23. – S. 121.
6. Ali Ibn Sina. Istok i vozvrashchenie k nemu / Dushanbe: «Adib», 2007. – S. 11.
7. Abu Ali Ibn Sina (Avitsenna) Sochineniya. Tom pervyy. – Dushanbe: «Donish», 2005.
8. Abu Bakr Ar-Razi. Predislovie // Dukhovnaya medit-sina. – Dushanbe: «Irfon», 1990.
9. Anokhin P.K. Operezhayushchee otrazhenie deystvitel’nosti // Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funktsional’noy sistemy. – Moskva: “Nauka”, 1978.
10. Antologiya mirovoy filosofii. V chetyrekh tomakh. T. 1, chast’ 1. – Moskva: «Mysl’».
11. Aristotel’. Metafizika. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1. // Moskva: «Mysl’», 1981.
12. Aristotel’. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 3 – Moskva: Mysl’, 1981.

References (transliteration):

1. Slovar’ inostrannykh slov – 18 izd. – M.: S48 Rus. Yaz., 1989. – S. 443.
2. Filosofskaya entsiklopediya. Gl. red. F.V. Konstantinov. T. 4 – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1967. – S. 499.
3. I.K.Asadullaev. «Krasota, lyubov’ i vechnoe dvizhenie. 16 novykh kategoriy: chitaya Aristotelya, Avitsennu, Gegelya» – Dushanbe: Donish, 2008. Kniga imeetsya v bibliotekakh Dushanbe, Almaty i Moskvyy.
4. Filosofskaya entsiklopediya T. 4. / Moskva: «Sovetskaya Entsiklopediya», 1967. – S. 13.
5. Kapital / Marks K. i Engel’s F., Soch., 2 izdanie. T. 23. – S. 121.
6. Ali Ibn Sina. Istok i vozvrashchenie k nemu / Dushanbe: «Adib», 2007. – S. 11.
7. Abu Ali Ibn Sina (Avitsenna) Sochineniya. Tom pervyy. – Dushanbe: «Donish», 2005.
8. Abu Bakr Ar-Razi. Predislovie // Dukhovnaya medit-sina. – Dushanbe: «Irfon», 1990.
9. Anokhin P.K. Operezhayushchee otrazhenie deystvitel’nosti // Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funktsional’noy sistemy. – Moskva: “Nauka”, 1978.
10. Antologiya mirovoy filosofii. V chetyrekh tomakh. T. 1, chast’ 1. – Moskva: «Mysl’».
11. Aristotel’. Metafizika. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1. // Moskva: «Mysl’», 1981.
12. Aristotel’. Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 3 – Moskva: Mysl’, 1981.